

Коллекция
современного
рассказа

В Е Р А
З У Б А Р Е В А

Ангел
на ветке

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-91

Художественное оформление серии
Сергея Власова

Зубарева, Вера.

З-91 Ангел на ветке : сборник рассказов / Вера Зубарева. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с. — (Коллекция современного рассказа).

ISBN 978-5-04-098630-9

«Ангел на ветке» — сборник рассказов и записок из блога «Нового мира» — книга о незримом присутствии чудесного. В ней нашло приют и надежно сохранилось каждое мгновение, озаренное удивлением перед жизнью. Любой рассказ, будь то «Шелковица», «Гестапо», «Англинский ангел», «Чудо-дерево», исполнен поэзии, несет в себе свет, чистоту и оставляет в душе глубокое послевкусие.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098630-9

© Зубарева В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Автор выражает благодарность
Владимиру Губайловскому —
редактору «Нового мира»
и администратору сайта Фонда
«Новый мир», где размещен блог
с записями, вошедшими в эту книгу.

Дом
и его обитатели

Повесть в рассказах

ПОКОЙНИЦА

Все так решили: если баба Марфа не умрет, значит, смерти нет. По общим подсчетам, баба Марфа жила уже второе тысячелетие и, наверное, еще дружила с фольклорными персонажами, населяющими детские сказки.

С утра до вечера баба Марфа восседала на лавочке своей открытой веранды, и при виде детей ее губы недружелюбно шевелились. То ли она молилась, то ли колдовала — нельзя было понять. У бабы Марфы жили квартиранты, которые в одной тесной комнатке родили девочку и мальчика. И опять-таки никто не знал, одобряла ли это баба Марфа или нет.

Больше всех баба Марфа не любила Леньку Штейна. Как только он приближался к ее вотчине, она угрожающе шипела и вслед за тем произносила проклятия. Поэтому, когда Ленькина бабушка умерла от рака, всем сразу стало ясно, что это на совести бабы Марфы. Несколько раз баба Марфа пыталась и Тюпу образумить, даже ее маме гово-

рила, что негоже такой воспитанной девочке водиться с хулиганами типа Леньки. Но Ленька никогда не был хулиганом. Просто фамилия у него была такая. Никто не понимал, при чем тут фамилия — про фамилию все узнали от Ленькиной бабушки, выбежавшей защищать единственного внука.

— Я знаю, *что* тебе не нравится! — кричала Ленькина бабушка неожиданно окаменевшей бабе Марфе. — Тебе его фамилия не нравится! Ленья, деточка, не подходи к ней! — навзрыд бросилась она к Леньке и почему-то прижала к себе его голову, будто что-то и впрямь угрожало ее мальчику.

Баба Марфа молча смотрела мимо Ленькиной бабушки, только губы ее побелели. После этого Ленькина бабушка заболела, и у нее обнаружили рак.

Баба Марфа всегда была повязана косынкой. Очки на ее дырчатом носу увеличивали всех для ее слепых глаз. Иногда она снимала их и протира-ла стекла, и тогда обнаруживалась диспропорция между ее крупным пузырчатым носом и небольшо-ми круглыми глазами. Ее матрешкообразное тело было обряжено в несколько юбок, и при медленном переползании от веранды к дворовому туалету эти юбки поднимали вверх весь внутренний запах бабы Марфы.

Баба Марфа сидела неподвижно на своей лавке как монумент вечности, и триста шестьдесят пять дней в году считались ей за триста шестьдесят пять лет. Она не мешала Тюпе и ее друзьям. Она была всего-навсего объектом их большого детского

эксперимента. Ни смерть Ленькиной бабушки, ни какая другая смерть не могли их убедить. Все эти смерти выглядели случайностями, их могло и не быть. Только бабы-Марфина смерть могла положить конец сомнениям относительно закономерности человеческого конца.

Потом началась холера. У всех брали мазок, а кто не являлся сам, к тому присылали медсестер. Появление медсестер во дворе было понято однозначно, и все сгрудились возле бабы-Марфиной веранды. Вовка по кличке Козел изображал разъяренную бабу Марфу, Ирка шикала на него, поскольку баба Марфа была ее крестной, но тоже хихикала, Ленька был безразличен, а Тюпа наблюдала за каждым из них.

Из комнат неслись ругань бабы Марфы и строгие возгласы медсестер. Вскоре сестры вышли с суровыми лицами исполненного долга, и это выставленное на общее обозрение унижение бабы Марфы вдруг лишило ее нимба избранности.

С того дня время для нее пошло на убыль, словно вечность очнулась от забытья или колдовства и вспомнила, что у бабы Марфы есть свой земной век.

Сначала бабу Марфу парализовало. Это было жарким июльским вечером. Все собрались около ее веранды и слушали сводку о ее здоровье от квартирантов. Баба Марфа пролежала два дня и скончалась, тоже под вечер. Всем разрешили попрощаться с ней. Даже Ленька пошел. Ему интересно было постоять возле смолкнувшей навсегда бабы Марфы. Тюпа в глубине души опасалась, что старуха

откроет глаза, как в кино, и причинит какой-нибудь вред Ленке. Но, как бы ни была велика ненависть бабы Марфы, она не смогла пересилить своей собственной смерти. Баба Марфа не открыла глаз и не прогнала Ленку. Может быть, она удовлетворилась злом, причиненным некогда его бабушке.

После смерти бабы Марфы время пошло как-то быстрее. Короче стали летние каникулы, и переход из класса в класс уже не казался вечностью. Никто больше не вспоминал о бабе Марфе, по крайней мере вслух, но каждый в глубине себя открыл какую-то уязвимость.

ПЬЯНИЦА

Олька бросила пить. Эта новость передавалась из уст в уста, как миф. Взрослые светлели лицом, а детям было и любопытно, и грустно одновременно. Когда Олька проходила своей мужицкой ровной походкой по двору, дети тарасились изо всех сил, стараясь уловить малейшие особенности ее трезвой фигуры. Но в этом было гораздо меньше интереса, чем разглядывать Ольку пьяной, карабкающейся по стенке к своему подвалу.

У Ольки не было семьи, но у нее когда-то был брат, который тоже пил, пока не погиб, разгружая машину с бочками. Остались только Олька и ее парализованная мать, у которой тряслись руки и голова, как иногда у Ольки на следующий день после пьянки. Потом и Олькина мать умерла. А Ириночка — чистенькая девочка, дочь покойного Олькиного брата — иногда навещала Ольку. Тогда Олька превра-

щалась в тетю Олю, теряла свою безродность и была полдня почти наравне со всеми семейными людьми.

Потом, как правило, Олька валялась под собственной дверью, обессиленная попытками попасть ключом в замочную скважину. Ее громкая ругань разносилась по двору, и это помогало Ольке обрести дом, поскольку кто-нибудь да выбегал, чтобы впихнуть бранящуюся Ольку в темное логово ее земляной квартиры.

Когда Олька бросила пить, пропал весь интерес. Мужчины сразу же стали находить ее привлекательной, женщины пустились обсуждать с ней, какой цвет ей к лицу. Олька по-мужицки громко хмыкала и повторяла на весь двор все то, что ей советовали деликатным шепотом.

У Ольки были серые глаза и расплющенный нос, чуть треснутый посередине. В пьяной все это не имело значения. Ни ум, ни красота не играют решающей роли для характеристики пьяного человека. Даже тяжелая Олькина походка не бросалась в глаза в дни запоя, оттого что Олька по большей части ползала.

Трезвость же, напротив, имела свои существенные минусы для Ольки. Прежде всего, переход к трезвости для нее был равносильен переходу от правды ко лжи. Олька привыкла жить по правде. Она не придумывала себе никакой походки, не скрывала недостатков своей фигуры. Валяясь в канаве своего коридора, она орала то, что думала обо всех и вся. И ее запаса слов ей вполне хватало.

В трезвости Олька стала как ребенок. Ей нужно было выучиться ходить и говорить. Она глупо пялила свои сорокалетние глаза на мужчин и женщин, расхваливающих ее, не зная, что им сказать, и, по-видимому, принимая все за чистую монету. Поначалу все чувствовали себя неловко, но вскоре и сами поверили в то, что говорили.

Олька стала общей питомицей. С ней нянчились больше, чем с собственными детьми. Ее одели и обули, привили ей сносные манеры и уже подумывали над тем, что же с ней делать дальше.

Мысль о поиске жениха пришла в голову всем почти одновременно, и ее стали активно обсуждать двором.

Олька становилась все менее интересной детям. Даже слухи о приближающемся жениховстве уже не возбуждали их. Это взрослым нужны были острые ощущения и развитие фабулы. Для детей же все становилось очень обыденным. Замужняя Олька в их глазах — это была последняя стадия потери индивидуальности.

Загадочный жених все не материализовался. Тем не менее в воздухе витали какие-то флюиды его грядущего появления. Олька ходила по двору с вопросительной улыбочкой, будто кто-то издал тайно наблюдал и оценивал ее. Чистенькая Ириночка дважды приходила к ней, и Олька бегала покупать торт. Второй раз Ириночка пришла со своей матерью и ее новым мужем с ребенком.

У Ириночкиного сводного братика была болезнь Дауна, но Ириночка рассказывала всем, что это произошло с ним после смерти матери, которую

задушила жаба. Братика звали Валериком. Он был даже чем-то похож на своего отца, только очень добрый. Белокурая красавица Лида устало принимала поздравления двора то ли насчет своего замужества, то ли насчет Ольки и приглядывала за Валериком. Потом они ушли, и у всех остались очень хорошие впечатления.

Все шло к счастливой развязке. У Ольки перед глазами был пример ее золовки. Это всех еще больше воодушевило, и разговоры об Олькином устройстве приняли самый серьезный оборот.

Идея замужества так захватила всех, что сама Олька отошла на задний план. Стратегии предлагались одна ярче другой. Кому-то даже пришла в голову мысль перекрасить Ольку в яркую блондинку. За эту идею ухватились с особенной силой из-за реальности ее осуществления. Всем казалось, что это приблизит приход жениха, не потому что Олька станет краше, а потому что магия осуществления одного, пусть маленького, дела непременно перекинется и на другое, более значительное.

Ольке нашли парикмахершу Соню, мастера по мужской стрижке, которая за копейки согласилась в обеденный перерыв заняться Олькой. Ольке было все равно — идти в мужскую парикмахерскую или женскую. Она привыкла всю жизнь пользоваться дворовым туалетом, никогда не вдаваясь в подробности о том, кто находился за соседней стенкой. Такая Олькина неприхотливость еще более располагала к ней двор.

Ольку постригли и перекрасили. Попутно ей сделали маникюр и надушили не очень резким оде-